

Ю.В. Рубцов

МАРШАЛЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В ИСТОРИИ РОССИИ

Юрий Рубцов

**Маршалы Советского
Союза в истории России**

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Рубцов Ю. В.

Маршалы Советского Союза в истории России / Ю. В. Рубцов —
«ВЕЧЕ», 2025

ISBN 978-5-4484-5555-1

Управлять Вооруженными силами Советского Союза, содействовать высшему руководству государства в решении внешнеполитических и оборонных задач руководить боевыми действиями в войнах и военных конфликтах — такого рода задачи доверялись прежде всего обладателям высших воинских званий: 41 Маршалу Советского Союза и трем Адмиралам Флота Советского Союза. Судьбу большинства из них определила Великая Отечественная война. Жизнеописание всех представителей маршальско-адмиральского корпуса позволяет дать широкую панораму войны со всеми ее невероятными трудностями и триумфами, проследить путь к Великой Победе.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4484-5555-1

© Рубцов Ю. В., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

От автора	6
Сергей Федорович Ахромеев (1923–1991)	10
Иван Христофорович Баграмян (1897–1982)	16
Павел Федорович Батицкий (1910–1984)	24
Лаврентий Павлович Берия (1899–1953)	30
Сергей Семенович Бирюзов (1905–1964)	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юрий Рубцов

Маршалы Советского Союза в истории России

© Рубцов Ю. В., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

* * *

Светлой памяти поколения Победителей, к которому принадлежали мои родители Александра Ильинична – труженица тыла и Виктор Емельянович – моряк-балтиец,

От автора

Восемь десятилетий отделяют нас от того майского дня сорок пятого года, который, говоря словами поэта, навсегда вошел в календарь праздником мира. Неумолимое время оставило в строю живых считанные тысячи из поколения Победителей, и тот строй с каждым днем редет и редет. А ведь после 22 июня 1941 г. почти 34,5 миллиона наших соотечественников стали носить военную форму. Да что говорить: уже и поколение детей фронтовиков уступило тем, кто идет следом. Таков закон жизни...

Но есть и законы памяти. Они диктуют нам потребность передать своим детям, внукам и правнукам тот победный пафос, который наши родители принесли с фронта и с которым жили все последующие годы и десятилетия – кому уж сколько было отмерено.

Свой вклад в Победу внесли – опять вспомним поэта – и генерал, и рядовой. Великая Отечественная прошла через судьбу, оказала решающее влияние и на тех, кто в ходе неё или даже много лет спустя надел погоны с государственным гербом Советского Союза. Даже те маршалы, которым не довелось дожить до 1941 г., тоже способствовали успеху советского оружия – своим вкладом в развитие военной науки и строительство Красной армии, своими учениками.

За время существования Советского государства высших воинских званий удостоились 44 военачальника – 41 Маршал Советского Союза (звание введено в 1935 г.) и трое Адмиралов Флота Советского Союза (в 1955 г.):

- Василий Константинович БЛЮХЕР (1935 г.)
- Семен Михайлович БУДЕННЫЙ (1935 г.)
- Климент Ефремович ВОРОШИЛОВ (1935 г.)
- Александр Ильич ЕГОРОВ (1935 г.)
- Михаил Николаевич ТУХАЧЕВСКИЙ (1935 г.)
- Григорий Иванович КУЛИК (1940 г., лишен звания в 1942 г., посмертно восстановлен в 1957 г.)
- Семен Константинович ТИМОШЕНКО (1940 г.)
- Борис Михайлович ШАПОШНИКОВ (1940 г.)
- Георгий Константинович ЖУКОВ (1943 г.)
- Александр Михайлович ВАСИЛЕВСКИЙ (1943 г.)
- Иосиф Виссарионович СТАЛИН (1943 г.)
- Иван Степанович КОНЕВ (1944 г.)
- Леонид Александрович ГОВОРОВ (1944 г.)
- Константин Константинович РОКОССОВСКИЙ (1944 г.)
- Родион Яковлевич МАЛИНОВСКИЙ (1944 г.)
- Федор Иванович ТОЛБУХИН (1944 г.)
- Кирилл Афанасьевич МЕРЕЦКОВ (1944 г.)
- Лаврентий Павлович БЕРИЯ (1945 г., лишен звания в 1953 г.)
- Василий Данилович СОКОЛОВСКИЙ (1946 г.)
- Николай Александрович БУЛГАНИН (1947 г., снижен до генерал-полковника в 1958 г.)
- Иван Христофорович БАГРАМЯН (1955 г.)
- Сергей Семенович БИРЮЗОВ (1955 г.)
- Андрей Антонович ГРЕЧКО (1955 г.)
- Андрей Иванович ЕРЕМЕНКО (1955 г.)
- Кирилл Семенович МОСКАЛЕНКО (1955 г.)
- Василий Иванович ЧУЙКОВ (1955 г.)

- Николай Герасимович КУЗНЕЦОВ (1955 г., снижен до вице-адмирала в 1956 г., посмертно восстановлен в 1988 г.)
- Иван Степанович Исаков (1955 г.)
- Матвей Васильевич ЗАХАРОВ (1959 г.)
- Филипп Иванович ГОЛИКОВ (1961 г.)
- Николай Иванович КРЫЛОВ (1962 г.)
- Иван Игнатьевич ЯКУБОВСКИЙ (1967 г.)
- Сергей Георгиевич ГОРШКОВ (1967 г.)
- Павел Федорович БАТИЦКИЙ (1968 г.)
- Петр Кириллович КОШЕВОЙ (1968 г.)
- Леонид Ильич БРЕЖНЕВ (1976 г.)
- Дмитрий Федорович УСТИНОВ (1976 г.)
- Виктор Георгиевич КУЛИКОВ (1977 г.)
- Николай Васильевич ОГАРКОВ (1977 г.)
- Сергей Леонидович СОКОЛОВ (1978 г.)
- Сергей Федорович АХРОМЕЕВ (1983 г.)
- Семен Константинович КУРКОТКИН (1983 г.)
- Василий Иванович ПЕТРОВ (1983 г.)
- Дмитрий Тимофеевич ЯЗОВ (1990 г.)

До Великой Отечественной войны обладателями высшего воинского звания стали восемь человек, в годы войны – девять и в послевоенный период – 27. И. В. Сталину как Верховному главнокомандующему Советскими Вооруженными силами в 1945 г. было присвоено звание Генералиссимуса Советского Союза.

На разных этапах развития Советского Союза именно этим представителям высшей военной элиты доверялось управлять военной организацией страны, формировать и реализовывать военную и военно-морскую политику, содействовать высшему руководству государства в решении внешнеполитических и оборонных задач там, где требовалась военная сила, руководить боевыми действиями в войнах и военных конфликтах, управлять войсками и силами флота в мирное время.

Полководческое и флотоводческое дарование наших высших военных, опиравшееся на многолетнюю систематическую службу и хорошее образование, позволило им в годы Великой Отечественной превзойти военное командование самого опасного в XX столетии врага – нацистской Германии.

Уместно привести мнение одного из главных руководителей Третьего рейха – министра пропаганды Й. Геббельса. 18 марта 1945 г. он записал в своем дневнике: «Генеральный штаб прислал мне книгу с биографиями и фотографиями советских генералов и маршалов. Из этой книги можно вычитать много такого, что мы упустили сделать в прошедшие годы. Маршалы и генералы в среднем чрезвычайно молоды, почти ни одного старше 50 лет. За плечами у них богатая политико-революционная деятельность, все они убежденные коммунисты, весьма энергичные люди, и по лицам их видно, что вырезаны они из хорошего народного дерева. В большинстве случаев речь идет о сыновьях рабочих, сапожников, мелких крестьян и т. п. Короче говоря, – делал вывод нацистский бонза, – приходишь к досадному убеждению, что командная верхушка Советского Союза сформирована из класса получше, чем наша собственная... Я рассказал фюреру о просмотренной мной книге Генерального штаба о советских маршалах и генералах и добавил: у меня такое впечатление, что с таким подбором кадров мы вообще конкурировать не можем. Фюрер полностью со мной согласился: наш генералитет слишком стар и слишком израсходовался...»¹

¹ Цит. по: Откровения и признания. Сост. и пер. Г. Я. Рудой. Смоленск, 2000. С. 507.

Верхушка вермахта была довольно возрастной, например, к моменту агрессии против СССР В. фон Браухич, Ф. фон Бок, В. Кейтель, Э. фон Клейст, Г. фон Клюге, Р. фон Лееб, З. Лист, Г. фон Рунштедт достигли, а то и превзошли 60-летний рубеж. Стаж военной службы к моменту присвоения высшего в Германии военного чина у большинства его обладателей не превышал 15 лет. Их послужной список беден по сравнению с той суровой армейской и флотской школой, которую прошел каждый из их оппонентов с советской стороны.

Если в Красной армии по ходу войны высший командный состав стабилизировался и число маршалов выросло, то в вермахте из-за поражений все шло с точностью до наоборот. К концу войны из 25 гитлеровских фельдмаршалов на действительной службе осталось только два. Лихорадочная перетасовка командных кадров верховным главнокомандующим Гитлером лишь ослабляла его воинство.

Есть все резоны согласиться с И. Х. Баграмяном, считавшим, что советские полководцы «по своему профессиональному уровню превзошли военачальников капиталистических стран»² (прежде всего, конечно, фашистской Германии).

Чем завершилось противоборство двух армий и флотов, двух военных искусств, двух полководческих и флотоводческих школ – хорошо известно. Интересна в связи с этим еще одна оценка с «той» стороны. Она принадлежит бывшему начальнику Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковнику Ф. Гальдеру: «Исторически небезынтересно исследовать, как русское военное руководство, потерпевшее крушение со своим принципом жесткой обороны в 1941 году, развивалось до гибкого оперативного руководства и провело под командованием своих маршалов ряд операций, которые по немецким масштабам заслуживают высокой оценки, в то время как немецкое командование под влиянием полководца Гитлера отказалось от оперативного искусства и закончило его бедной по идее жесткой обороной, в конечном итоге приведшей к полному поражению... Над этим периодом, – признавал Гальдер, – в качестве приговора стоит слово, высказанное русской стороной в процессе резкой критики действий немецкого командования: порочная стратегия. Это нельзя опровергнуть»³.

Заслуги высшей военной элиты Советского Союза как в годы войны, так и после нее были отмечены щедро. 33 маршала и все три адмирала удостоились звания Героя Советского Союза, часть из них – неоднократно. Четырежды Герои – Г. К. Жуков и Л. И. Брежнев, трижды – С. М. Буденный, дважды – И. Х. Баграмян, А. М. Василевский, К. Е. Ворошилов, С. Г. Горшков, А. А. Гречко, М. В. Захаров, И. С. Конев, П. К. Кошевой, Н. И. Крылов, Р. Я. Малиновский, К. С. Москаленко, К. К. Рокоссовский, С. К. Тимошенко, В. И. Чуйков и И. И. Якубовский.

Шесть маршалов – все без исключения государственные деятели – носили звание Героя Социалистического Труда: Л. П. Берия, Л. И. Брежнев, Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин, Д. Ф. Устинов (дважды).

10 маршалов в годы войны стали кавалерами высшего полководческого ордена «Победа», из них трое (А. М. Василевский, Г. К. Жуков, И. В. Сталин) получили по два знака ордена. В 1978 г. этой же наградой украсил себя новоиспеченный маршал Л. И. Брежнев, но посмертно был ее лишен, поскольку по статуту не имел на нее права.

Да и к ряду других награждений совершенно не подходит поговорка «по заслугам – и честь». Кому не ясно, что цена высоких наград, например, у Жукова и Булганина была далеко не одинаковой. Точно так же в общественном сознании существовала четкая грань между значимостью звезд, полученных в годину боев, и тех, которые вручались к различным государственным и личным юбилеям.

² Баграмян И. Х. Великого народа сыновья. М., 1984. С. 7.

³ Цит. по: Василевский А. М. Дело всей жизни. В 2 кн. М., 1988. Кн. 2. С. 287.

* * *

Корпорация носителей высших воинских званий в армии и на флоте, увы, уже ушла в историю. Тем более важно в интересах сохранения памяти о лучших представителях отечественной военной и военно-морской школы зафиксировать детали боевого и жизненного пути Маршалов Советского Союза и Адмиралов Флота Советского Союза. Это предоставляет возможность через конкретную судьбу каждого из них дать широкую панораму войны со всеми ее невероятными трудностями и триумфами, проследить путь к Великой Победе, составить объемное представление о той материальной, кадровой и интеллектуальной базе, на которой были выстроены послевоенные Вооруженные силы СССР.

Сергей Федорович Ахромеев (1923–1991)

На пути к ответственным постам в Советских Вооруженных силах С. Ф. Ахромеев прошел испытание каждой ступенью командирского роста и получив хорошее образование. Обе военные академии – бронетанковых и механизированных войск, а затем Генерального штаба – он окончил с отличием и золотой медалью.

Но это было потом. А прежде выпало пройти суровые университеты Великой Отечественной войны. В нее Ахромеев вступил, будучи с 1940 г. курсантом военно-морского училища в Ленинграде. Не завершившего учебу, его вместе с другими курсантами направили в морскую пехоту. В 1942 г. окончив в Астрахани пехотное училище по ускоренной двухмесячной программе, Сергей Федорович воевал в составе Сталинградского, Южного и 4-го Украинского фронтов. И все время на передовой: командиром стрелкового взвода, адъютантом старшим (начальником штаба) стрелкового батальона, помощником начальника штаба полка, командиром мотобатальона автоматчиков. Воевал умело, был награжден орденом Красной Звезды и несколькими медалями.

Ахромеев был из тех молодых взводных, которых вражеский свинец разил особенно жестоко. О том – сухая статистика: к концу войны из военнослужащих 1921–1923 годов рождения в живых осталось не более 4 процентов. Именно они, лейтенанты, шли впереди бойцов, поднимались первыми из окопов и траншей. К концу 1941 г. кадровой армии в том виде, в

каком она вступила в войну с фашистами, уже не существовало, был выбит младший и средний командный состав. И конечно, не столько краткосрочные курсы, сколько сама боевая практика жестоко учила военной науке и солдат, и их взводных – вчерашних курсантов и школьников. Боевой опыт давался большой кровью.

Но и ценность этого опыта оказалась очень весомой. Именно те, кто, подобно Ахромеву, прошли войну взводными, ротными, комбатами, стали у руля Советских Вооруженных сил в 70-е годы, в тот ответственный момент истории, когда был обеспечен паритет сил с Соединенными Штатами Америки.

В послевоенные годы Сергей Федорович опять-таки не миновал ни единой ступени в службе: командир полка, дивизии, командующий армией. В среднем через каждые пять лет получал очередные генеральские звания. Работоспособность и ответственность за порученное дело в нем отмечали поразительную. В бытность командиром полка и дивизии спал не более 5–6 часов в сутки, посвящая остальное время работе.

Зная о таких фактах, глубже понимаешь, что стоит за строками аттестации на Ахромеева, подписанной в начале 70-х годов командующим войсками Белорусского военного округа генералом армии И. М. Третьяком: «Командующий 7-й танковой армией с высоким чувством ответственности относится к выполнению порученного дела. По своему характеру прямой, правдив и принципиален».

С мая 1972 г. по март 1974 г. Сергей Федорович возглавлял штаб Дальневосточного военного округа. Здесь особо проявились его работоспособность, энергия, отменные оперативные способности, умение масштабно мыслить. Проверив генерала в деле, тогдашний начальник Генерального штаба генерал армии (впоследствии Маршал Советского Союза) В. Г. Куликов предложил назначить Ахромеева начальником Главного оперативного управления – заместителем начальника Генерального штаба ВС СССР. Сергей Федорович успешно работал в этой должности до февраля 1979 г., а между тем специалисты военного дела называют ее самой трудной и ответственной должностью в Вооруженных силах.

В 1979 г. последовало новое крупное назначение – первым заместителем начальника Генерального штаба. Все это десятилетие службы в Генштабе стало для Сергея Федоровича исключительно полезной школой таких видных военачальников, как маршалы В. Г. Куликов и Н. В. Огарков. Под их руководством Ахромеев стал настоящим генштабистом, много сделал для повышения качества стратегического планирования, оперативности и организованности в управлении войсками и в целом боевой готовности Вооруженных сил. В этой должности он стал Маршалом Советского Союза (25 марта 1983 г.).

Такой случай в истории Советских Вооруженных сил не имел прецедентов. Генерал армии М. А. Гареев, долгое время работавший под руководством Ахромеева, вспоминал о противоречивых разговорах в военных кругах на этот счет. Ссылались на пример генерала армии А. И. Антонова, который, даже будучи во время войны начальником Генштаба, маршальского звания не удостоился. Понятно, что в таких делах играют роль не только заслуги, но и конъюнктура. В случае с присвоением маршальского звания Ахромееву свою роль тоже сыграло известное стечение обстоятельств, в частности его роль в обеспечении ввода в Афганистан и функционирования там контингента советских войск. Но при всем при том нет сомнений, что Сергей Федорович достиг вершин исключительно собственным самоотверженным трудом.

В должности первого заместителя начальника Генерального штаба Ахромееву в первую очередь пришлось решать вопросы, связанные с участием Советской армии в афганских событиях. Вместе с первым заместителем министра обороны СССР Маршалом Советского Союза С. Л. Соколовым он оперативно выполнил сложнейшую работу по подготовке и вводу в Афганистан 40-й армии, оказанию помощи в строительстве афганской армии, координации действий советских и правительственных войск. Работая в высших органах военного управления, он в то же время часто бывал в самых напряженных зонах боевых действий, проявляя личную

храбрость. Неслучайно по итогам работы в Афганистане Ахромееву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Как и другим руководителям Генерального штаба, ему приходилось выдерживать прессинг политиков (вернее сказать – политиканов) и высших чинов КГБ, не спешивших вникать в чисто военные проблемы той войны, но самонадеянно считавших, что, находясь в Москве, они лучше других знают путь к победе. Насколько был велик этот прессинг, позволяет судить случай, о котором вспоминал бывший в 1980–1981 гг. главным военным советником в ДРА генерал армии А. М. Майоров. Группой военнослужащих 40-й армии было совершено тяжкое преступление против жителей одного из кишлаков, которое всколыхнуло чуть ли не всю страну, дело дошло до призывов к всеафганскому джихаду. Майоров, убежденный в необходимости безусловно добиться наказания преступников, доложил о результатах расследования министру обороны Д. Ф. Устинову. Из Москвы главного военного советника попытались «переубедить».

Кроме других начальников, Майорову позвонил Ахромеев, по-дружески предостерегший: мол, у председателя КГБ, он же – руководитель комиссии Политбюро ЦК КПСС по Афганистану, Ю. В. Андропова вызрело мнение, что злодеяние совершили переодетые душманы. Иная версия события, по мнению руководства, повредила бы отношениям между нашими странами⁴.

Миссия, которую пришлось выполнять маршалу, была ему не по душе, но и отказаться от участия в ней Ахромеев не смог. Таков был порядок: ты – член КПСС и обязан выполнять решения высшего партийного органа, даже если с ними не согласен.

Со временем Ахромеев пришел к выводу, что участие СССР в гражданской войне в Афганистане зашло в глухой и военный, и политический тупик. Поэтому маршал с пониманием встретил заявление, которое на заседании Политбюро ЦК КПСС 13 ноября 1986 г. сделал новый советский лидер М. С. Горбачев: «В Афганистане мы воюем уже шесть лет. Если не менять подходов, то будем воевать еще 20–30 лет... Мы что, будем бесконечно воевать, расписываясь в том, что наши войска не смогут справиться с ситуацией? Нам нужно завершение этого процесса в ближайшее время».

Сергей Федорович констатировал на том заседании: «Нет ни одной военной задачи, которая ставилась бы, но не решалась, а результата нет. Все дело в том, что военные результаты не закрепляются политическими. В центре власть есть, а в провинциях ее нет. Мы контролируем Кабул и провинциальные центры, но на захваченной территории не можем установить власть. Мы проиграли борьбу за афганский народ. Правительство поддерживает меньшинство народа. Наша армия воевала пять лет. Она и сейчас в состоянии удержать обстановку на том уровне, который существует. Но в этих условиях война будет продолжаться долго»⁵.

Внеся свой вклад в вывод советских войск с территории соседнего государства, Ахромеев затем жестко стоял за честь воинов-афганцев. Когда в марте 1989 г. академик А. Д. Сахаров заявил канадской газете «Оттава ситизен», что в ходе боевых действий в Афганистане советские вертолеты неоднократно открывали огонь по окруженным советским солдатам во избежание их сдачи в плен, Ахромеев не счел возможным промолчать. Он заявил: «С 1979 года по 1989 год включительно (на протяжении пребывания советского воинского контингента в Афганистане) я работал в Генеральном штабе на руководящих должностях, знал о всех событиях, которые были связаны с пребыванием наших войск в Афганистане, в деталях, ежедневно. Со всей ответственностью заявляю, что ни единого такого факта, о котором поведали канадские газеты, ссылаясь на академика Сахарова, не было. Наши боевые вертолеты никогда не уничтожали группы советских военнослужащих, оказавшихся в окружении противника. Если академик Сахаров заявил обратное, то это полная неправда... В любых погодных условиях,

⁴ Майоров А. М. Правда об афганской войне. М., 1996. С. 260–261.

⁵ Секретные документы из особых папок: Афганистан // Вопросы истории. 1993. № 3. С. 25.

днем и ночью экипажи боевых вертолетов, рискуя своей жизнью, приходили на помощь нашим воинам в самых тяжелых боевых условиях, даже тогда, когда эти условия для боевых действий оказывались наиболее опасными»⁶.

Еще в сентябре 1984 г. Ахромеев сменил маршала Н. В. Огаркова на посту начальника Генерального штаба и выполнял эти обязанности в течение четырех лет. Став на один из ключевых постов в военной организации страны и памятуя о жестоких уроках Великой Отечественной войны, Сергей Федорович максимум внимания уделял мерам, которые позволили бы предотвратить повторение ситуации 1941 года. В первую очередь это – повышение эффективности оперативной подготовки и качества учений и маневров, в том числе опытных и исследовательских, органическое соединение оперативной подготовки и военно-научной работы, внедрение в учебный процесс новейших методик с тем, чтобы готовить достойное пополнение офицерского корпуса, отвечающее требованиям современной войны.

Практически все – и друзья, и противники – оценивали маршала Ахромеева как отменного профессионала, много сделавшего для того, чтобы Советский Союз стал сверхдержавой. Его воинские подвиги и вклад в укрепление Советских Вооруженных сил были отмечены званием Героя Советского Союза (7 мая 1982 г.), четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, орденом «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени.

Хорошо знавший Ахромеева по совместной службе генерал М. А. Гареев отмечает, что в стиле начальника Генштаба были свои особенности. Армейские устои представлялись ему незыблемыми, и в этом смысле у него отмечалась даже своего рода аллергия на реформаторские подходы. «И сколько я его помню, – пишет Гареев, – на протяжении многих десятилетий любой разговор на тему о том, что в нашем государстве или Вооруженных силах что-то не ладится, он встречал с протестом и негодованием. В глубине души, возможно, он какое-то неблагополучие признавал, но было сверх его сил что-то из этого признавать. Такую ортодоксальность не все могут принять. Но, несмотря на ее изъяны, все же это более достойно, чем поведение людей, которые колеблются с линией любой партии, приближающейся к власти»⁷.

В то же время Ахромеева неправильно было бы считать законченным ретроградом: когда новые предложения были жизненными и обоснованными, его можно было убедить в необходимости принять их.

С приходом в 1985 г. к руководству страной М. С. Горбачева маршал поначалу вынашивал надежды на позитивные перемены в жизни страны и армии. Как человек трезвомыслящий он, конечно, понимал необходимость оздоровления международной обстановки, сокращения ядерных арсеналов до разумных пределов, поддерживал меры по укреплению стратегической стабильности.

В его деятельности как начальника Генерального штаба вообще заметно увеличилась военно-политическая составляющая. Он стал непосредственным участником переговоров по сокращению ядерных вооружений. В июле 1988 г. Сергей Федорович совершил первый в истории двусторонних отношений визит в США, где вел переговоры с председателем Объединенного комитета начальников штабов генералом У. Кроу, был принят президентом Р. Рейганом. В ходе переговоров был согласован и подписан – немыслимое ранее дело – план контактов между Вооруженными силами СССР и США на 1988–1990 гг.

Несомненно, Ахромееву, человеку старой закалки, были чужды те приемы в политике, которые стали быстро прививаться с утверждением у руля внешней политики группы М. Горбачева – Э. Шеварднадзе. Он привык действовать честно и прямо, во главу угла ставить инте-

⁶ Комсомольская правда. 1989. 2 марта.

⁷ Красная звезда. 2003. 30 апреля.

рессы государства, в то время как многие вопросы в верхах, в том числе касающиеся национальной безопасности, решались закулисно, посредством интриг.

Яркую иллюстрацию сказанного можно почерпнуть из воспоминаний многолетнего посла СССР в США А. Ф. Добрынина. Дипломат поведал об обстоятельствах, при которых была решена судьба ракетного комплекса «Ока» (СС-23).

«В апреле 1987 года, – пишет Добрынин, – в Москву приехал госсекретарь США Шульц для переговоров по евракетам... Перед приездом Шульца Горбачев попросил маршала Ахромеева и меня подготовить для него памятную записку с изложением позиций обеих сторон с возможными рекомендациями. Мы это сделали, причем Ахромеев специально подчеркнул, что Шульц, видимо, будет опять настаивать на сокращении ракет СС-23 и что на это нельзя соглашаться. (Ахромеев не случайно настаивал на этом – наши военные знали, что Шеварднадзе был склонен уступить американцам в вопросе о ракетах СС-23 ради достижения быстрого компромисса, хотя прямо на Политбюро он так вопрос не ставил, но за кулисами обрабатывал Горбачева.)».

Начальник Генштаба отстаивал «Оку» по принципиальным основаниям: поскольку полетная дальность этих ракет была менее 500 км, они никак не попадали в разряд ракет меньшей дальности, о сокращении которых шла речь. Но Шульц при помощи доморощенных «миротворцев», из которых наиболее зловещую роль сыграл министр иностранных дел Шеварднадзе, уломал Горбачева. Ахромеев был ошеломлен и решился спросить у президента, почему тот изменил заранее оговоренную позицию.

«Через полчаса он вернулся, явно обескураженный, – вспоминал Добрынин о реакции Ахромеева. – Когда он спросил Горбачева, почему он так неожиданно согласился на уничтожение целого класса наших новых ракет и ничего не получил существенного взамен, Горбачев вначале сказал, что он забыл про “предупреждение” в нашем меморандуме и что он, видимо, совершил тут ошибку. Ахромеев тут же предложил сообщить Шульцу, благо он еще не вылетел из Москвы, что произошло недоразумение, и вновь подтвердить нашу старую позицию по этим ракетам. Однако недовольный Горбачев взорвался: “Ты что, предлагаешь сказать госсекретарю, что я, Генеральный секретарь, некомпетентен в военных вопросах, и после корректировки со стороны советских генералов я теперь меняю свою позицию и отзываю данное уже мною слово?”»⁸

Вот так решали дело облеченные высшей властью люди, для которых собственная репутация в глазах заокеанского визитера была куда большей ценностью, чем соображения национальной безопасности.

В контексте таких случаев лучше понимаешь, почему в 1988 г. маршал Ахромеев дал согласие уйти с поста начальника Генштаба и стать советником Горбачева по военным вопросам. Вероятно, он надеялся, находясь вблизи президента СССР, сохранить возможность позитивного влияния на него со стороны высшего военного руководства. Однако интриганы в окружении Горбачева умело изолировали его от первого лица государства, да и сам президент стал тяготиться присутствием рядом принципиального военачальника. Сам же Ахромеев все больше терзался невозможностью что-то реально изменить. В начале августа 1991 г. Сергей Федорович подал президенту заявление о своем уходе, откровенно заявив, что отказывается участвовать в разрушении армии и Отечества.

А 24 августа маршала обнаружили в служебном кабинете № 19а корпуса № 1 Московского Кремля без признаков жизни. Официальная версия следствия гласила, что Ахромеев, поддержав ГКЧП, не перенес моральных мук после того, как выступление группы высших руководителей страны против линии Горбачева было расценено как государственный переворот, и решился на самоубийство.

⁸ Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. М., 1996. С. 656–657.

О том, что все было сложнее, свидетельствует, на наш взгляд, предсмертная записка Сергея Федоровича: «Не могу жить, когда гибнет мое Отечество и уничтожается все, что считал смыслом моей жизни. Возраст и прошедшая моя жизнь мне дают право из жизни уйти. Я боролся до конца»⁹.

В ноябре 1991 г. прокуратура прекратила уголовное дело в отношении Ахромеева по факту его участия в деятельности ГКЧП ввиду отсутствия состава преступления. Следствие пришло к выводу: хотя маршал и принял участие в работе ГКЧП и выполнил по его заданию ряд конкретных действий, однако по содержанию этих действий нельзя судить о том, что он умышленно участвовал в заговоре с целью захвата власти.

Похороны на Троекуровском кладбище Москвы прошли на фоне победы над гэкачепистами и были не по заслугам военачальника скромными. А через несколько дней могила подверглась осквернению: какие-то нелюди польстились на парадный мундир покойного. В августовской революции, как и любой другой, порывы духа соседствовали с самыми низменными проявлениями...

⁹ Цит. по: *Степанков В. Г., Лисов Е. К.* Кремлевский заговор. М., 1992. С. 239.

Иван Христофорович Баграмян (1897–1982)

Когда смотришь на портрет маршала Баграмяна в парадном мундире и видишь его многочисленные награды – две «Золотые Звезды» Героя Советского Союза, семь орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, три ордена Красного Знамени, два ордена Суворова I степени, орден Кутузова I степени и орден «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени, медали, а также награды иностранных государств, трудно представить, что у столь заслуженного полководца могли быть какие-то неудачи. А они, как и у всякого человека, конечно, были, да еще какие. Довелось Ивану Христофоровичу и побывать во вражеском окружении, и с должности его снимали, и горечь обидных поражений он испытал.

Самой тяжелой неудачей оказалась Барвенковско-Харьковская операция Юго-Западного фронта весной 1942 г. В ней генерал-майор Баграмян участвовал в качестве начальника штаба фронта. Когда в Ставке ВГК рассматривался план этой операции, И. В. Сталин пожелал заслушать не только командующего маршала С. К. Тимошенко, но и Баграмяна. План предусматривал удары из района Волчанска и с барвенковского плацдарма по сходящимся направлениям разгромить харьковскую группировку врага, овладеть Харьковом и создать предпосылки для освобождения Донбасса.

Замысел был рискованным, поскольку советским войскам приходилось наступать из оперативного мешка, каким являлся Барвенковский выступ, велика была опасность неудачи и

даже окружения. Но командование юго-западным направлением (и одноименным фронтом) в лице маршала Тимошенко выражало полную уверенность в успехе. И Верховный, несмотря на возражения Генштаба, согласился с командованием фронта.

Начатая 12 мая 1942 г. наступательная операция развивалась настолько успешно, что, как вспоминал маршал А. М. Василевский, Сталин даже бросил в его адрес резкий упрек: мол, из-за Генштаба он чуть было не отменил ее. Но уже 17 мая ударная группировка генерал-полковника Э. Клейста в составе 11 дивизий перешла в контрнаступление из района Славянска и Краматорска в направлении Барвенкова и, прорвав фронт советской обороны, стала серьезно угрожать 57-й армии Южного фронта и наступавшей группировке Юго-Западного фронта. Однако Тимошенко, поддерживаемый членом военного совета Н. С. Хрущевым, недооценил эту опасность и отдал приказ прекратить дальнейшее наступление на Харьков лишь 19 мая, когда ударная группировка противника вышла в тыл советским войскам. Время оказалось упущенным. В результате три армии Южного и Юго-Западного фронтов были окружены и разгромлены. Ослабленный фронт Тимошенко отошел за реку Оскол, что обеспечило немцам успех дальнейшего прорыва к Сталинграду и на Кавказ.

По оценке Александра Михайловича Василевского, главной причиной этой катастрофы была неправильная оценка Ставкой ВГК и Генштабом замысла и основных направлений действий противника летом 1942 г. К тому же разведка не смогла своевременно выявить сосредоточение крупных сил противника на стыке Юго-Западного и Южного фронтов. Командование и штаб Юго-Западного фронта тоже несут немалую долю ответственности: они не организовали необходимого взаимодействия с Южным фронтом и не приняли своевременных мер к отражению ударов противника.

Но при этом надо отметить, что после того как немцы нанесли контрудар, генерал Баграмян предложил командующему прекратить наступление на Харьков и перебросить часть войск на угрожаемое направление. Но Тимошенко и Хрущев остались при своем мнении, и наступление продолжалось.

Обернулось оно тяжелым поражением. В ином случае руководителей фронта ждало бы суровое наказание, но Сталин, не желая тем самым напоминать о собственной причастности к столь серьезной неудаче, ограничился выводом Тимошенко в распоряжение Ставки ВГК с последующим назначением на должность командующего Северо-Западным фронтом. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что Тимошенко находился в родственных отношениях со Сталиным (дочь маршала была замужем за сыном вождя). Хрущев же и вовсе как член Политбюро ЦК ВКП(б) вышел из воды сухим: он-де не военный специалист, какой с него спрос.

Всю ответственность за поражение Верховный возложил на начальника штаба Баграмяна. Вспомнили, что в свое время Иван Христофорович служил у дашнаков, что был близок со многими врагами народа...

В такие минуты, когда не знаешь, как старший начальник решит твою судьбу, невольно возвращаешься к тому, как прежде шел по жизни. Баграмяну вспомнить было что. Сын армянского народа, он армейскую службу начал в сентябре 1915 г. в Закавказье. После Февраля 1917 г., окончив школу прапорщиков, стал младшим офицером, а затем командиром эскадрона в 1-м армянском конном полку армии дашнаков. В декабре 1920 г. вступил в Красную армию и участвовал в Гражданской войне в составе 11-й армии командиром эскадрона и помощником командира полка по хозяйственной части. В декабре 1923 г. получил под начало 1-й кавалерийский полк Кавказской армии.

С этой должности в 1925 г. он был направлен на Кавалерийские курсы усовершенствования комсостава РККА в Ленинград. Здесь Иван Христофорович постигал военную науку бок о бок с такими же, как и он, молодыми командирами – Г. К. Жуковым, К. К. Рокоссовским, А. И. Еременко, в недалеком будущем прославленными полководцами Великой Отечественной.

Командование отметило у Баграмяна подлинную страсть к учебе и его умение применять полученные знания на практике. Поэтому в 1931 г. он вначале был направлен в Военную академию им. М. В. Фрунзе, а после службы начальником штаба 5-й кавалерийской дивизии Киевского военного округа – в Военную академию Генерального штаба. Одновременно с ним грызли гранит военной науки А. И. Антонов, А. М. Василевский, Л. А. Говоров, Н. Ф. Ватутин, М. В. Захаров, П. А. Курочкин, В. В. Курасов и другие в последующем известные военачальники.

Учился Иван Христофорович, как всегда, истово и успешно, но вот свою фамилию в числе выпускников, хотя экзамены сдал на отлично, не нашел. А затем и вовсе был уволен из армии. Причина? Иван Баграмян попытался вступить за своего брата, работавшего в Баку и в 1937 г. репрессированного. Более полугода он прожил в нищете, так как не мог устроиться на работу, и, в конце концов, по рассказам его родственников, решился на отчаянный шаг. Вместе с еще одним командиром, также незаслуженно уволенным из армии, он попытался прорваться на прием к наркому обороны К. Е. Ворошилову. А когда в аудиенции им отказали, они в знак протеста уселись у Спасской башни с намерением сидеть до тех пор, пока не получат пропуск в Кремль. Такой отчаянной смелости удивились даже чины кремлевской охраны, в результате Баграмян и его товарищ по несчастью таки добились встречи с Ворошиловым и были восстановлены в армии.

Реалии того времени заставляют усомниться в возможности сидячей забастовки на Красной площади кого бы то ни было. Была ли такая история или это красивая легенда, но Иван Христофорович действительно был возвращен в РККА и получил должность старшего преподавателя в Военной академии Генштаба, где проработал два года. Полного удовлетворения от службы все же не было. Полковник, имея высшее военное образование, рвался в войска, чтобы там применить полученные знания, ведь до тех пор ему не довелось командовать ничем выше полка.

Помог случай, о котором Баграмян рассказал в своих воспоминаниях. Из Киева в Москву приехал его товарищ генерал-майор Ф. Д. Рубцов и с гордостью отрекомендовался: «Начальник оперативного отдела штаба КОВО». Узнав о горячем стремлении Ивана Христофоровича перейти на строевую службу, посоветовал обратиться к генералу армии Г. К. Жукову, который в тот момент командовал Киевским особым военным округом: «Быстро пиши письмо, я передам ему лично». Письмо получилось коротким, в виде рапорта: «Вся армейская служба прошла в войсках, имею страстное желание возвратиться в строй... Согласен на любую должность»¹⁰.

Георгий Константинович откликнулся делом: вскоре Баграмян получил назначение пусть и не на командную должность, но все же в войска – начальником оперативного отдела 12-й армии КОВО. А в декабре 1940 г. стал начальником оперативного отдела штаба округа. В этой должности Иван Христофорович и встретил войну, 22 июня возглавив оперативный отдел штаба Юго-Западного фронта. «Уже в эту пору дают о себе знать его солидная оперативно-стратегическая грамотность, основательность подхода к решению важнейших задач, проницательный ум и хорошие аналитические способности, умение охватить самое главное в сложной противоречивой обстановке и такие важные качества оператора, как быстрая сообразительность и сметка, выдержка и самообладание в самых острых ситуациях. На протяжении всей жизни Ивана Христофоровича отличали личное обаяние и доброжелательность ко всем без исключения окружающим его людям. Эти его качества разряжали самую нервную и напряженную обстановку, обезоруживали самых разъяренных начальников»¹¹.

Эту оценку генерал армии М. А. Гареев иллюстрирует наглядным примером. В один из моментов, когда Баграмяну не удалось добыть обстановку о положении войск в полосе 37-

¹⁰ Баграмян И. Х. Великого народа сыновья. М., 1984. С. 14.

¹¹ Гареев М. А. Полководцы Победы и их военное наследие. 2-е изд. М., 2004. С. 203–204.

й армии, прибывший из Москвы высокопоставленный политработник спросил у С. К. Тимошенко, ставшего во главе фронта в октябре 1941 г.: «Почему вы не разгоните этих операторов?» Маршал, в отличие от московского визитера понимавший, в каких сложных условиях приходится работать Баграмяну и его подчиненным, ответил: «У меня даже не поворачивается язык, чтобы ему сделать замечание».

Мы, однако, забежали вперед. В конце июня – сентябре Юго-Западному фронту и его руководящему составу пришлось пережить тяжкие испытания. Сталин долго не разрешал оставить Киев и отвести войска. В результате запоздалого отступления в сентябре четыре армии, а с ними и управление фронта оказались в окружении. Командующий генерал-полковник М. П. Кирпонос принял решение разделить личный состав на две группы и по разным направлениям выходить из окружения. Одну из групп возглавил Баграмян, и именно ей удалось дерзким броском прорвать вражеское кольцо. А вот группа генерала Кирпоноса, в составе которой находился и начальник штаба фронта генерал-майор В. И. Тупиков, на свою беду столкнулась с крупными силами противника и прорваться не смогла. Командующий и начальник штаба геройски погибли в бою.

После выхода из окружения Иван Христофорович был назначен начальником штаба юго-западного направления, войска которого возглавлял маршал С. К. Тимошенко. Он разработал план, в соответствии с которым было осуществлено первое в истории Великой Отечественной войны широкомасштабное контрнаступление Красной армии. Войсками Южного фронта (командующий – генерал-полковник Я. Т. Черевиченко), входившего в состав юго-западного направления, был освобожден Ростов-на-Дону, а противник отброшен к реке Миус.

И вот май 42-го, такая жестокая неудача под Харьковом. Она едва не стоила Баграмяну ареста и предания суду военного трибунала. Выручила твердая поддержка Г. К. Жукова, дело ограничилось снятием с должности и назначением заместителем командующего 61-й армией, а через некоторое время – командующим 16-й армией Западного фронта, детища К. К. Рокоссовского. Армия участвовала в зимнем наступлении 1942–1943 гг. на западном направлении, имевшем цель сковать немецкие войска и не допустить их переброски под Сталинград.

Но особенно удачно командарм и вверенная ему армия действовали в Орловской стратегической операции летом 1943 г., осуществленной в рамках Курской битвы. Как известно, 5 июля 1943 г. гитлеровское командование нанесло в районе Орловско-Курской дуги мощный удар. Сознательно перейдя в оборону, наши войска в течение нескольких дней перемалывали живую силу и технику немцев, а затем сами перешли в наступление. На северном фланге дуги 11-я гвардейская армия во взаимодействии с соседями участвовала в срыве наступления группы армии «Центр» против войск Центрального фронта. Нанеся 12 июля внезапный удар, она затем в боях под Орлом и Брянском прошла около 230 километров, освободила свыше 800 населенных пунктов.

Удачные действия своей армии Иван Христофорович преопределил еще при обсуждении плана Орловской стратегической операции в Ставке ВГК в конце апреля 1943 г. Кроме командующих фронтами генералов В. Д. Соколовского и М. А. Рейтера, на совещание пригласили генералов П. А. Белова и И. Х. Баграмяна, которые командовали двумя смежными армиями: 61-й – правофланговой в Брянском фронте и 11-й гвардейской – левофланговой в Западном фронте. В процессе разговора Иван Христофорович все больше приходил к выводу, что предлагаемый план явно недооценивает организацию взаимодействия между смежными армиями. Родились и предложения, как поправить дело, но уместно ли выступать в столь маститой компании военачальников?

Полководец вспоминал: «О замысле Орловской операции и предложениях командующих фронтами информировал генерал-полковник А. И. Антонов (заместитель начальника Генштаба. – *Ю.Р.*). Его обстоятельный доклад Сталин выслушал очень внимательно. Затем он задал несколько вопросов, уточняя детали взаимодействия фронтов. Я сидел как на иголках.

Сейчас Верховный одобрит план, и он обретет железную силу. Но как оспорить предложения, уже одобренные Генеральным штабом? Ведь могут превратно истолковать мою настойчивость. Командармом я был тогда довольно молодым.

Тем временем уже начали свертывать карты. Верховный спросил:

– Все согласны с данным решением? Возможно, у кого-нибудь есть иное мнение?

Это была для меня последняя возможность. Я попросил разрешения высказаться. Сталин не без удивления, но вместе с тем вполне доброжелательно посмотрел на меня:

– Прошу.

Снова были развернуты карты. Стараясь сдерживать волнение, я изложил свою точку зрения».

Ее суть состояла в том, чтобы в начале операции ударом смежных армий фронтов по сходящимся направлениям окружить и уничтожить болховскую группировку, что поставит под угрозу пути отхода всей орловской группировки врага. А уже затем перенацелить армии на направления, предусмотренные общим замыслом. Для обеспечения эффективности управления предлагалось подчинить командованию 11-й гвардейской все силы, привлекаемые для уничтожения болховской группировки гитлеровцев.

Командующие фронтами выступили с возражениями. Но Верховный поддержал командарма-11: «А ведь Баграмян дело говорит. И по-моему, с его предложением нужно согласиться»¹².

Ход сражения показал правоту Ивана Христофоровича. Войскам довелось прорывать глубоко эшелонированную оборону противника, которую тот совершенствовал на протяжении двух лет. С согласия командующего фронтом Баграмян создал глубокое оперативное построение армии, добился высокой плотности живой силы, танков, артиллерии и авиации на участке прорыва. Впервые за всю Великую Отечественную войну на участке прорыва создавались плотности до 200–260 орудий и минометов на один километр фронта. И это принесло успех.

За операцию с кодовым названием «Кутузов» Баграмян удостоился ордена Суворова I степени и воинского звания «генерал-полковник». И – что немаловажно – Сталин после этого преодолел предубежденность против Баграмяна, родившуюся в результате Харьковской операции. Об этом Верховный сказал генералу сам, вызвав его в ноябре 1943 г. и объявив о назначении командующим войсками 1-го Прибалтийского фронта: «Успешно проведенная вами операция в районе Орла и Брянска убеждает в том, что новый пост будет вам по плечу». Одновременно Ивану Христофоровичу было присвоено звание генерала армии.

Во главе фронта Баграмян провел целый ряд успешных наступательных операций. Как подлинно талантливый человек Иван Христофорович видел такие пути решения задачи, которые были недоступны другим, он умел поставить себя на место противника и предложить способы действий, неожиданные для него.

При подготовке Витебско-Оршанской операции, казалось, сама сложившаяся конфигурация фронта диктовала такие направления ударов, которые позволяли бы быстро взять в клещи витебскую группировку врага. Однако командующий фронтом избрал другой вариант, который вызвал недоумение у командующего 43-й армией генерала А. П. Белобородова. Для главного удара его армии был намечен правый фланг, значительно менее подходящий для концентрации войск, чем центр, и представлявший собой открытую в сторону противника болотистую местность, мелколесье. Как здесь скрытно сосредоточить стрелковые части, тяжелую артиллерию, танки?

«Свои сомнения, – вспоминал Белобородов, – я изложил командующему... Выслушав, И. Х. Баграмян кивнул:

¹² Баграмян И. Х. Так шли мы к Победе. М., 1977. С. 190.

– Все логично, Афанасий Павлантьевич. Точно так же представляет себе наши замыслы и фельдмаршал фон Буш, командующий группой армий “Центр”. А мы должны поднести ему пренеприятный сюрприз. Надо дерзать...»¹³

И решение командующего фронтом оказалось верным, и командарм исполнил его четко. Войска 1-го Прибалтийского фронта во взаимодействии с 3-м Белорусским, с ходу форсируя реки с заболоченными поймами, прорвали глубоко эшелонированную оборону противника, западнее Витебска окружили и к 27 июня ликвидировали пять его дивизий, а 28 июня овладели городом Лепель. Командующий 43-й армией Белобородов спросил на допросе взятого в плен командира немецкой 246-й пехотной дивизии генерала Мюллера-Бюлова: «Не ждали наступления?» «Ждали! – ответил тот. – Но наступление наступлению рознь. Главный удар через болото – в это я не верил...»

За выдающиеся результаты, достигнутые войсками фронта, и проявленное личное мужество генерал армии Баграмян 29 июля 1944 г. был удостоен звания Героя Советского Союза.

С Витебско-Оршанской операции 1-го Прибалтийского фронта началась летняя кампания 1944 г., ознаменованная успешным осуществлением Белорусской стратегической операции («Багратион»). В разработку ее плана Ивану Христофоровичу тоже удалось внести существенные коррективы. Когда 25 мая И. В. Сталин вызвал к себе Баграмяна, командующий 1-м Прибалтийским фронтом высказал опасения за свое правое крыло. Дело в том, что войска фронта привлекались не только к разгрому северного крыла группы армии «Центр», но и к глубокому охвату всех ее сил, действовавших в Белоруссии, с северо-запада. Но из-за того, что сосед справа – 2-й Прибалтийский фронт – на первом этапе операции в наступлении не участвовал, группа армий «Север» получала возможность нанести сильный удар с севера по растянутому флангу и тылу 1-го Прибалтийского фронта.

Да, угроза такого удара вполне реальна, согласился участвовавший в разговоре заместитель Верховного главнокомандующего маршал Жуков. «А что ты предлагаешь?» – обратился он к Ивану Христофоровичу. Баграмян поделился заранее продуманным вариантом действий: после выполнения ближайшей задачи – окружения и разгрома витебской группировки противника – нанесение глубокого удара в юго-западном направлении возложить не на его фронт, а на правое крыло соседнего слева 3-го Белорусского фронта (командующий – генерал И. Д. Черняховский). Основные же усилия вверенного ему, Баграмяну, фронта направить на запад, чтобы во взаимодействии с правым крылом 3-го Белорусского фронта принять активное участие в разгроме 3-й танковой армии группы армий «Центр» и одновременно отсечь южное крыло войск группы армий «Север». Это предложение Ставка ВГК приняла. Оно позволило более надежно обеспечить правый фланг фронта, в более короткие сроки освободить Литву, Латвию и выйти к побережью Балтийского моря.

Бои были очень тяжелыми. На главном, рижском направлении наши войска буквально прогрызали оборону противника. На левом крыле фронта немцы предпринимали даже контрудары. Ставка признала, что операция под Ригой развивается неудовлетворительно, и с целью коренного изменения обстановки решила переместить главные усилия на левый фланг 1-го Прибалтийского фронта в район Шяуляя. Баграмяну была поставлена задача перегруппировать сюда главные силы фронта и нанести удар в направлении Мемеля (Клайпеды). Пришлось, что называется, изрядно попотеть. Всего за шесть суток на расстояние от 80 до 240 километров были передислоцированы пять общевойсковых, одна танковая и одна воздушная армии, большое число отдельных соединений и частей – всего 500 тыс. человек, более 9 тыс. орудий и минометов, свыше 1300 танков и САУ.

Это был пример редчайшего по смелости и искусству проведения маневра главных сил фронта с одного крыла на другое. 5 октября 1944 г. подчиненные Баграмяну войска мощным

¹³ Белобородов А. П. Слово об авторе этой книги // Баграмян И. Х. Великого народа сыновья. С. 335.

ударом из района Шяуляя прорвали вражескую оборону и через пять дней достигли побережья Балтийского моря в район Мемеля. Свыше 30 немецких дивизий оказались отрезанными в Курляндии, и путь в Восточную Пруссию группе армий «Север» был полностью закрыт.

Генерал армии С. М. Штеменко, ставший после войны начальником Генерального штаба, считал Мемельскую операцию блестящей по замыслу и исполнению, выдающимся образцом советского военного искусства. По его оценке, в боевых действиях под Шяуляем и Мемелем «ярко проявились самобытный полководческий талант И. Х. Баграмяна, его обширные военные знания и большой практический опыт»¹⁴.

Ликвидация изолированных группировок немецко-фашистских войск, которые угрожали наступающим на запад советским войскам, потребовала много времени и сил. В начале 1945 г. 1-й Прибалтийский фронт действовал на Земландском полуострове и под Кёнигсбергом. «Чтобы не распылять наших сил, Верховное главнокомандование 17 февраля приказало командующему 1-м Прибалтийским фронтом И. Х. Баграмяну организовать прочную оборону вокруг Кёнигсберга, сосредоточив основные усилия на ликвидации с 20 по 27 февраля земландской группировки противника, – вспоминал А. М. Василевский. – Но фашисты упредили наступление наших войск... 19 февраля гитлеровцы с целью деблокирования кёнигсбергской группировки нанесли два внезапных встречных удара: из Кёнигсберга и с Земландского полуострова. После трехдневных ожесточенных боев им удалось оттеснить войска фронта и создать коридор, соединивший кёнигсбергскую группировку с земландской»¹⁵.

Для единого руководства операцией по ликвидации окруженных вражеских группировок Ставка упразднила 1-й Прибалтийский фронт, а его войска, преобразованные в Земландскую группу, включила в состав 3-го Белорусского фронта (к этому времени им командовал маршал А. М. Василевский вместо генерала армии И. Д. Черняховского, смертельно раненного 18 февраля). Баграмян, возглавивший Земландскую группу войск, одновременно стал заместителем командующего 3-м Белорусским фронтом.

Пока основные силы фронта под руководством Василевского занимались ликвидацией хейльсбергской группировки противника, на Баграмяна была возложена задача по взятию Кёнигсберга. Иван Христофорович разработал, по меткому выражению генерала армии А. П. Белобородова, тончайший в оперативном отношении план, в соответствии с которым войска наступали на крепость с тыла. Можно лишь представить себе, что ожидало наши войска, если бы пришлось брать крепость в лоб. Чтобы обеспечить прорыв мощной многополосной обороны, опиравшейся на фундаментальные крепостные форты, было организовано ее мощное подавление артиллерией самого крупного калибра и бомбово-штурмовыми ударами. Были также подготовлены сильные штурмовые группы, которые с началом штурма прорывались в промежутки между фортами, окружали и блокировали их. Кёнигсберг, который Гитлер называл «абсолютно неприступным бастионом немецкого духа», был взят нашими войсками уже на третий день – 9 апреля 1945 г.

Последняя крупная задача, которую довелось решать Баграмяну, состояла в уничтожении земландской группировки противника. Иван Христофорович занимался ею вновь в ранге командующего фронтом, приняв 3-й Белорусский от А. М. Василевского. 13 апреля началась операция, в которой предстояло отрезать основные силы врага от портов Пиллау и Фишхаузен, а затем овладеть этими портами. Особенно трудным было взятие Пиллау, представлявшего собой Кёнигсберг в миниатюре. Решающий вклад в успех внесли воины родной для Баграмяна 11-й гвардейской армии, которой теперь командовал генерал К. Н. Галицкий. Последний очаг сопротивления на противоположном берегу гавани ликвидировал 36-й гвардейский стрелковый корпус генерала, будущего Маршала Советского Союза Кошевого.

¹⁴ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. В 2 кн. Кн. 1. М., 1985. С. 340.

¹⁵ Василевский А. М. Дело всей жизни. Кн. 2. С. 186–187.

Но бои с остатками фашистских войск пришлось вести еще 9 мая, даже после того, как Германия безоговорочно капитулировала.

На Параде Победы 24 июня 1945 г. Иван Христофорович возглавил сводный полк 1-го Прибалтийского фронта. С местами, которые освобождал его фронт, Баграмян не расстался и после завершения войны: до 1954 г. он командовал войсками Прибалтийского военного округа.

Ему никогда не изменяли доброжелательность, радушие, умение на любую жизненную проблему взглянуть с юмором. Поучительный случай произошел в 1946 г. на первой сессии Верховного Совета Латвийской ССР (как командующий Прибалтийским военным округом, Баграмян был избран депутатом). Председательствующий открыл заседание на латышском языке. Несколько следующих ораторов тоже выступили по-латышски. У многих это вызвало недоумение, поскольку далеко не все депутаты, прибывшие на работу в республику со всех краев Советского Союза, знали латышский язык. Тогда слово попросил Иван Христофорович. Он поднялся на трибуну и заговорил... по-армянски. Дальше депутаты общались уже на русском языке, который понимали все присутствующие.

В 1955 г. Баграмян был назначен заместителем министра обороны. Тогда же, 11 марта 1955 г., он был удостоен высшего воинского звания «Маршал Советского Союза». С 1956 г. он – начальник Военной академии Генерального штаба, а с 1958 г. по 1968 г. – заместитель министра обороны – начальник тыла Вооруженных сил СССР.

На этом посту Ивану Христофоровичу удалось многое. Главное, он сумел добиться централизации системы тылового обеспечения Вооруженных сил. Под его руководством тыл развивался с учетом совершенствования форм, способов и средств вооруженной борьбы, экономики государства, а организационная структура тыла органично вписалась в структуру ВС.

Постепенно пришла пора уступить более молодым военачальникам, и в 1968 г. Иван Христофорович был переведен в группу генеральных инспекторов Министерства обороны. В просторечье ее с иронией звали «райской группой», намекая на возможность входивших в нее военачальников безбедно и беспроблемно доживать свои дни.

Что касается Баграмяна, то он, уйдя на более чем заслуженный отдых, продолжал активно трудиться, возглавив Всесоюзный штаб похода советской молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы. Рядом с юными патриотами он и сам чувствовал себя моложе, бодрее, хотя годы давали о себе знать. 1 декабря 1977 г. маршал Баграмян в связи с 80-летием со дня рождения был награжден второй «Золотой Звездой» Героя Советского Союза.

Павел Федорович Батицкий (1910–1984)

Начало Великой Отечественной войны застало П. Ф. Батицкого в должности начальника штаба 202-й моторизованной дивизии. До этого он окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, был на командной работе, служил в Генеральном штабе офицером для особых поручений.

С ноября 1941 г. 31-летний подполковник во главе 254-й стрелковой дивизии вступил на Северо-Западном фронте в бой. Действовал умело, быстро заработав репутацию решительного и смелого командира. «Обладает хорошими волевыми качествами, умело обеспечивает в любых условиях выполнение боевых задач дивизии. В трудные и напряженные моменты увлекает бойцов на разгром врага...» – подчеркивалось в его боевой характеристике, датированной 1 июня 1942 г.

С июля 1943 г. Батицкий командовал стрелковыми корпусами на Воронежском, Степном, 1-м и 2-м Украинских, 1-м и 3-м Белорусских фронтах, участвовал в освобождении Украины, Молдавии, Белоруссии. В сентябре 1943 г. получил первое генеральское звание.

Несколько эпизодов его боевой деятельности заслуживают особого упоминания. Так, в конце того же, 1943 г. 73-й стрелковый корпус Батицкого успешно форсировал реку Днепр в районе Черкасс и во взаимодействии с другими соединениями 2-го Украинского фронта освободил этот город от оккупантов. В январе – феврале 1944 г. корпус участвовал в окруже-

нии и ликвидации группировки противника в районе Корсунь-Шевченковского и 26 марта в числе первых соединений 2-го Украинского фронта вышел на линию государственной границы СССР с Румынией. В Белорусской наступательной операции Павел Федорович командовал 128-м стрелковым корпусом, входившим в 1-й Белорусский фронт К. К. Рокоссовского. Его соединение стремительным ударом прорвало оборону противника южнее Бобруйска, вместе с другими соединениями фронта освободило Барановичи и Брест, а затем с ходу форсировало Западный Буг.

На заключительном этапе войны 128-й стрелковый корпус генерала Батицкого отличился в боях за освобождение Польши, в Восточно-Прусской операции, при штурме Берлина и освобождении Праги.

Стихли бои, и Павел Федорович уселся на академическую скамью. В 1948 г. он с золотой медалью окончил Военную академию Генерального штаба, после чего, побыв три месяца в должности командира корпуса в Прикарпатском военном округе, был назначен начальником штаба Московского района ПВО. Тогда такое назначение никого не удивляло, ведь средствами противовоздушной обороны были оснащены и стрелковые соединения, так что опыт управления ими у Батицкого имелся. Конечно, не в том масштабе и не такими системами, но все же. Два года Павел Федорович дружно и успешно работал бок о бок с другим бывшим общевойсковиком – генералом Москаленко, командующим войсками Московского района ПВО.

В этот период закладывались основы ПВО Москвы как сложной территориальной системы взаимосвязанных объектов – радиолокационных средств оповещения на дальних расстояниях, мощных зенитных комплексов, средств управления системой в целом и средств обеспечения непрерывного боевого дежурства. В строй вводились командные пункты, ракетные комплексы, стартовые позиции, системы связи, технические базы для хранения и технического обслуживания боекомплектов зенитных ракет. К 1953 г. система могла вести одновременный обстрел 1120 (!) целей.

В срочном порядке обновлялись вооружение и боевая техника. Входившая в состав района ПВО истребительная воздушная армия осваивала первые отечественные реактивные истребители МиГ-9, Як-15, Ла-15, а чуть позднее МиГ-15. Зенитные части получали зенитные артиллерийские комплексы КС-18 с 85-мм и КС-19 со 100-мм зенитной пушкой. В части воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) и истребительную авиацию поступали радиолокационные станции (РЛС) обнаружения воздушных целей и наведения истребителей как в стационарном варианте (П-3), так и в подвижном (П-3а).

Чтобы успешно внедрять эту боевую технику, ее надо было досконально знать. Так что руководящие кадры Московского района ПВО, начиная с генералов Москаленко и Батицкого, лично изучали ее, вникали в детали организации службы ПВО.

В сентябре 1950 г. Батицкий возглавил Главный штаб ВВС Советской армии, что потребовало новой специализации. А тут судьба устроила Павлу Федоровичу еще одно испытание. 26 июня 1953 г. он участвовал в беспрецедентной для советской истории акции – аресте прямо в ходе заседания Президиума ЦК КПСС одного из членов Президиума Л. П. Берии. К участию в акции Павла Федоровича привлек К. С. Москаленко, знавший своего бывшего сослуживца как человека твердого, решительного, способного не дрогнуть в самых невероятных обстоятельствах. Во время суда над зловещим Лаврентием генерал-полковник Батицкий (он получил это звание 3 августа 1953 г., уже после ареста Берии) выполнял обязанности коменданта Специального судебного присутствия Верховного суда СССР. Павлу Федоровичу выпала и еще одна миссия в этом деле: он лично привел в исполнение приговор в отношении бывшего все- сильного руководителя советских спецслужб, осужденного к расстрелу¹⁶.

¹⁶ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 387.

И Москаленко, и Батицкий еще в ходе следствия по делу Берии получили новые назначения: Кирилл Семенович занял должность командующего войсками Московского военного округа, а Павел Федорович – его первого заместителя. А через год с небольшим Батицкого вернули в систему противовоздушной обороны столицы.

На посту командующего Московским округом ПВО Павел Федорович пробыл ни много ни мало – почти 11 лет, совершив подлинный переворот в организации и техническом оснащении вверенных ему войск. Он хорошо понимал, что отставание в создании надежных средств ПВО грозило непредсказуемыми последствиями, ибо высотные самолеты-разведчики ВВС США часто и безнаказанно нарушали воздушные границы СССР. На вооружение стали поступать новейшие разработки – зенитно-ракетные комплексы (ЗРК) с РЛС дальнего обнаружения, сверхзвуковые истребители-перехватчики с ракетами на борту. Все эти средства «завязывались» в единую систему, которая была способна надежно защитить советскую столицу.

В системе противовоздушной обороны страны ведущую роль приобретали зенитные ракетные войска (ЗРВ) как новый род войск. Все новинки командование столичным округом ПВО стремилось опробовать у себя. Чтобы добиться этого, П. Ф. Батицкий идет на нетрадиционный шаг. Хорошо узнав за годы службы, какую роль в системе государственного управления играет слово лидера КПСС, он организует встречу Н. С. Хрущева с руководящим составом первых соединений ЗРВ московского региона.

Широко известную слабость первого секретаря ЦК КПСС к ракетной технике удалось использовать во благо дела. Проще стали решаться вопросы с поставкой новой техники, с обустройством войск. При энергичном участии министра оборонной промышленности, а затем первого заместителя председателя Совета министров СССР Д. Ф. Устинова, будущего Маршала Советского Союза, московская система ПВО была сформирована за рекордно короткий срок – всего за четыре с половиной года. Вначале она была оснащена уникальными многоканальными ЗРК С-25, а затем ЗРК следующего поколения С-75. Для уничтожения маловысотных целей был создан комплекс С-125, принятый на вооружение в 1961 г. Несколько позднее войска ПВО, охранявшие небо столицы, оснастились ЗРК дальнего действия С-200.

Характеризуя командующего Московским округом ПВО, главнокомандующий войсками ПВО страны Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов указывал в декабре 1959 г., что он «волевой, инициативный, настойчивый командир». Вместе с тем от взора главкома не укрылись и некоторое высокомерие Батицкого, его излишняя горячность, недостаточная выдержанность в обращении с подчиненными.

Что было, то было. Правда, собственную горячность и невыдержанность Павел Федорович объяснял по-своему. В 1965 г., расставаясь с генералами и офицерами Московского округа ПВО при переходе на новую должность, он сказал им: «Вы уж простите меня, если я кого-то слишком сильно ругал. Но я ругал тех, кто хорошо работает. А тех, кто не работал, я не ругал, я их увольнял. А таких здесь нет».

С появлением ракетного оружия возникла потребность отражать не только удары авиации. Противовоздушная оборона неизбежно дополнялась, трансформировалась в противоракетную, а войска ПВО превращались в один из наиболее сложных и технически оснащенных видов Вооруженных сил. В 1962 г. генерал армии Батицкий возглавил комиссию по разработке проекта системы ПРО Москвы (система «А-35»). Дело было во многом новое, неизвестное, сопровождалось, естественно, жаркими спорами. Их обстоятельства раскрывает генерал-полковник авиации в отставке В. М. Красковский, бывший командующий Войсками ракетно-космической обороны: «Дело в том, что проект противоракетной обороны опирался на богатые экспериментальные данные, полученные на полигоне ПВО (Балхаш). Они бесспорно подтверждали практическую возможность поражения боевых головок (БГ) баллистических ракет в простых условиях, когда БГ летит одна рядом с корпусом ракеты. Но уже в ближайшей перспективе боеголовка могла сопровождаться и маскироваться множеством похожих на нее ложных

целей и радиопомех. Возникал вопрос: можно ли будет проектируемую систему ПРО «А-35» со временем путем модернизации «научить» распознавать истинные БГ?

Батицкий глубоко вник в оперативно-тактическую суть этого вопроса. Генеральный конструктор Кисунько (член-корреспондент АН СССР Герой Социалистического Труда Г. В. Кисунько. – *Ю.Р.*) был полон оптимизма, приводил обнадеживающие теоретические доводы, но они пока не имели экспериментального подтверждения. Возражения скептиков тоже основывались лишь на теоретических контрдоводах. В этих условиях председатель комиссии нашел по-житейски мудрый выход. Он сказал Кисунько: «Тригорий Васильевич, ты ответственный за ПРО перед страной... Мы полагаемся на твой талант и верим, что ты со своим коллективом не подведешь...» В ответ Кисунько заверил, что проблема будет решена, хотя это и потребует большого труда, длительного научного и экспериментального поиска¹⁷.

Смелость Батицкого полностью оправдалась. В 1974 г. первая в мире система ПРО «А-35» была принята в эксплуатацию, а в 1978 г. модернизирована (система «А-35М»).

Эта работа шла уже в бытность Павла Федоровича главнокомандующим войсками ПВО страны – заместителем министра обороны СССР (июль 1966 г. – июль 1978 г.). Здесь его талант развернулся во всю ширь. Но и задачи, естественно, стали более масштабными и объемными.

30 марта 1967 г. директивой Генерального штаба в составе войск ПВО начинается формирование нового рода войск – войск противоракетной и противокосмической обороны (ПРО и ПКО). В центральном аппарате было создано управление командующего войсками ПРО и ПКО для непосредственного руководства соединениями и частями систем контроля космического пространства (ККП), противоракетной обороны, противокосмической обороны. Формировались органы по управлению системой предупреждения о ракетном нападении, предназначенной для оповещения Верховного главнокомандования, главных командований видов Вооруженных сил о начавшемся ракетном нападении на страну с целью принятия решения на ответные действия стратегических ядерных сил¹⁸.

Совершенствовались и ранее сложившиеся рода войск: зенитные ракетные войска, авиация ПВО, радиотехнические войска, а также специальные войска. На вооружение поступали новые типы ЗРК с большими возможностями по поражению воздушных целей во всем диапазоне высот и скоростей их полета, сверхзвуковые всепогодные истребители-перехватчики с мощным ракетным оружием, новейшие радиолокационные станции. Во все звенья активно внедрялись автоматизированные системы управления и быстродействующие средства связи.

Главком во все вникал сам. Примером может служить участие Батицкого в создании перспективной территориальной системы ПРО, идею которой предложил генеральный конструктор В. Н. Челомей. Она должна была обеспечить защиту уже не какого-то отдельно взятого района страны, а всей ее территории от ракетного удара потенциального противника. В самых высоких инстанциях обсуждались различные аспекты проблемы: тип противоракеты (предполагалось использовать МБР УР-100), технический облик РЛС противоракетной системы, характер боевого заряда и т. д. Особняком стояла главная проблема ПРО – как распознать боеголовки ракет противника на фоне множества ложных целей при применении организованных радиопомех.

Понимая государственную важность задач, которые должна решать территориальная система ПРО, генерал армии Батицкий внес в правительство предложение о развертывании комплекса теоретических и экспериментальных исследований для решения проблемы селекции боеголовок, а также об осуществлении конструкторских разработок в области территориальной ПРО.

¹⁷ Независимое военное обозрение. 2000. 30 июня.

¹⁸ См.: Великанов Е. Н., Голотюк В. Л., Лашков А. Ю., Ужанов А. Е. Звезды противовоздушной обороны России. М., 2004. С. 144.

По независящим от командования войск ПВО причинам эти работы были через какое-то время свернуты. Дело в том, что в 1972 г. с американцами был подписан договор, согласно которому каждая из сторон могла по выбору иметь только один район ПРО. СССР в качестве такового избрал Московский регион, а США – район базирования шахтных пусковых установок МБР.

Под пристальным вниманием Павел Федорович держал и создание системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), которое началось в 1964 г. Возглавив войска ПВО страны, он придал этой работе такой динамизм, который позволил уже в 1968 г. провести государственные испытания СПРН, а в 1971 г. поставить ее на боевое дежурство. Отлично понимая значимость этой системы для обороны страны, главком лично работал на каждом объекте, несмотря на их разбросанность по всей территории СССР.

За проблемами ПРО Батицкий не забывал и о ПВО. На его взгляд, созданная в 1960-х годах система уже не удовлетворяла потребности надежной обороны. Одним из первых он поставил вопрос о необходимости создания такого ЗРК, который позволял бы одновременно бороться с целями, летящими на разных высотах одновременно. Между тем имевшиеся на вооружении зенитно-ракетные комплексы С-75 были способны поражать воздушные цели только на больших высотах, а для борьбы с маловысотными целями, как говорилось выше, разворачивались ЗРК С-125. Идея создания такого многоканального комплекса воплотилась в широко известном сегодня ЗРК С-300. Постановка его на боевое дежурство позволила отказаться от смешанных группировок зенитно-ракетных войск, сократила численность личного состава, упростила управление боем. И одновременно значительно повысила надежность защиты от нападения с воздуха.

Генерал-полковник авиации в отставке В. М. Красковский вспоминал: «То время, когда Батицкий находился во главе Московского округа ПВО и войск ПВО страны, можно вполне считать самым плодотворным в их развитии и совершенствовании. Именно при Батицком войска ПВО страны превратились в мощный вид Вооруженных сил СССР – один из факторов стратегического сдерживания, стали надежным гарантом от внезапного воздушно-космического нападения агрессора в период обострения холодной войны».

Когда глубже знакомишься с тем, что было сделано Павлом Федоровичем на посту главкома, поражаешься уровню достигнутого им самим и руководимыми им войсками. По ряду позиций был обеспечен солидный приоритет перед потенциальным противником, в качестве которого тогда рассматривались Соединенные Штаты Америки.

Например, в СССР еще в 1961 г. в ходе проверки функционирования экспериментального комплекса средств ПРО противоракета уничтожила боевой блок баллистической ракеты на высоте 25 км. В США аналогичное поражение осуществили только спустя 23 года – это ли не ярчайший пример того, насколько прорывным оказалось решение советскими конструкторами и военными исключительно сложной технической проблемы.

А взять автоматизацию управления радиолокационной информацией. Именно при Батицком территорию страны накрыло сплошное радиолокационное поле, после чего началось создание средств автоматизации для сбора и обработки радиолокационной информации и оснащение ими войск.

Политическое руководство ценило Павла Федоровича за укрепление обороноспособности государства, неоднократно отмечало его: в числе наград военачальника – пять орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, пять орденов Красного Знамени, ордена Суворова II степени, Кутузова I и II степени, «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени. Активный участник Великой Отечественной войны, Павел Федорович к 20-летию Великой Победы был удостоен звания Героя Советского Союза (7 мая 1965 г.), к которому он, к слову, представлялся еще в 1943 г. за форсирование Днепра и освобождение Черкасс. Признанием

его несомненных заслуг в обеспечении обороноспособности страны стало также присвоение ему 15 апреля 1968 г. звания «Маршал Советского Союза».

Но награды и почести, во-первых, не устраняли конфликтных ситуаций во взаимоотношениях главкома войсками ПВО с представителями других видов Вооруженных сил, партийного аппарата, «оборонщиками» – а без них не обходилось решение ни одного общегосударственного вопроса, а во-вторых, не делали характер Батицкого более мягким и покладистым. Особенно когда весь его многолетний опыт подсказывал: совершается ошибка, делается не то и не так.

Маршал решительно выступил против реорганизации войск ПВО, задуманной во второй половине 1970-х годов. По мнению Батицкого, запланированное слияние с Военно-Воздушными силами нарушало целостность и централизацию управления войсками ПВО, ослабляло противовоздушную оборону страны. Когда высшее руководство не прислушалось к его доводам, он подал рапорт об освобождении от должности. С 1978 г. и по день кончины, последовавшей 17 февраля 1984 г., он трудился в группе генеральных инспекторов Министерства обороны.

Предпочтя уйти в отставку, нежели выполнять решение, с которым не согласен, маршал имел свои резоны. И последовавшие затем события, казалось, подтвердили его правоту: начатое в 1979 г. реформирование войск ПВО было позднее пересмотрено, а в 1986 г. вернулись к их прежней организации. Но с высоты сегодняшнего дня стоит, пожалуй, все же согласиться не с Батицким, а с его оппонентами.

Войны конца прошлого – начала нынешнего столетия («Буря в пустыне», операция НАТО в Югославии, война в Ираке) показывают, что в армиях ведущих государств мира, прежде всего США, главный упор делается ныне на воздушные операции. Их цель – нанести противнику существенный ущерб, подавить его настолько, что после этого наступление сухопутных войск может и не понадобиться. В этих условиях одним войскам ПВО, как раньше, со средствами воздушного нападения не справиться, нужны согласованные действия всех видов Вооруженных сил.

Лаврентий Павлович Берия (1899–1953)

Имя этого человека, многие годы возглавлявшего советские спецслужбы, окружено самой мрачной славой как активного и инициативного проводника сталинской репрессивной политики. Сам вождь прекрасно знал, что представляет собой его ближайший сподвижник. А. А. Громько, бывший министр иностранных дел СССР, а в описываемый период – посол в США, вспоминал такой эпизод на Крымской конференции союзников в 1945 г. Во время обеда Ф. Рузвельт обратил внимание на Берия, который до этого не был представлен американскому президенту, и спросил у Сталина: «Кто этот господин, который сидит напротив посла Громько?» Сталин без тени усмешки ответил: «А-а! Это же наш Гиммлер. Это – Берия»¹⁹.

Он был единственным в СССР государственным деятелем, который обладал высшим воинским званием «Маршал Советского Союза» (присвоено 26 июня 1945 г.) и званием специальным (по линии НКВД) – Генеральный комиссар государственной безопасности (январь 1941 г.). Но прилипшая к его имени кличка «лубянский маршал» куда в большей степени соответствовала истинной роли Берии в сталинском государстве. Эта личность причудливым образом вместила в себе как самые мрачные стороны сталинщины – едва ли не наиболее репрессивного режима в XX веке, так и первые прорывы к обществу, свободному от тоталитаризма, репрессий, страха.

¹⁹ Берия: конец карьеры. М., 1991. С. 221.

Лаврентий Берия был на двадцать лет моложе своего покровителя и земляка Сталина. Он родился в 1899 г. в селении Мерхеули близ Сухуми, в бедной крестьянской семье. Уже после Октябрьской революции окончил в Баку строительно-техническое училище, а затем два курса политехнического института. В 1919 г. вступил в РКП(б).

Почти с самого начала сознательной жизни Берия оказался связанным с органами госбезопасности. Года два поработав в Грузии и Азербайджане скромным служащим таможи, в 1921 г. он был сразу назначен заместителем начальника секретно-оперативного отдела Азербайджанской ЧК, а вскоре и начальником этого отдела – заместителем председателя АЗЧК. Через два года его переводят в Тбилиси, где он продолжает быстро расти по службе, став председателем ГПУ Грузии, а затем и всего Закавказского ГПУ.

Чем объяснить его бурный карьерный рост? Безусловно, Берия был очень энергичным, пробивным, напористым человеком с изощренным практическим умом, но при этом лишенным нравственных ориентиров, трусливым и подлым. Он быстро понял, какую реальную роль в стране играют органы безопасности. При постоянной опоре властей на тезис о враждебном капиталистическом окружении, «вредительстве» и тотальном проникновении шпионов именно в этих органах легче всего было отличиться, оказаться замеченным.

В 1931 г. едва переваливший за 30-летний рубеж Лаврентий был переведен в партийные органы, став сразу первым секретарем Закавказского крайкома ВКП(б), а после разделения Закавказской федерации на три республики – первым секретарем ЦК КП(б) Грузии. Такая ротация кадров – из спецслужб в партийные органы и наоборот – была в СССР обыденной практикой.

Главная беда, однако, состояла в том, что в 1930-е годы перемешивались не только кадры, но и стиль, методы, приемы работы этих двух институтов власти. Именно на партийную организацию Грузии, ее народ в первую очередь обрушились репрессии, и руководил ими быстро приобретающий репутацию «верного ученика товарища Сталина» первый секретарь ЦК Берия.

В 1934 г. на XVII съезде партии Берия впервые вошел в состав ЦК ВКП(б), то есть сделал очень серьезный шаг к вершине власти. Но по-настоящему он обратил на себя благосклонное внимание Сталина, как принято считать, в 1935 г., когда вышла в свет брошюра «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» с именем Берии на титульном листе. Эта небольшая книжка стала предшественницей знаменитого «Краткого курса» истории ВКП(б), заявив о беспрецедентной роли Сталина в развертывании революционного движения в регионе. Для упрочения культа личности Иосифа Виссарионовича она оказалась незаменимой, и вождь по достоинству оценил усилия земляка.

В августе 1938 г. произошла новая кадровая перестановка: Берия отправился в Москву первым заместителем Н. И. Ежова, наркома внутренних дел СССР, чтобы уже через четыре месяца самому занять кресло наркома. Почти сразу же Лаврентий Павлович стал кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), заместителем председателя Совнаркома СССР. Он оказался похитрее, поизощреннее своих предшественников на посту наркомвнудела, а стало быть, и более нужным Сталину, чем Г. Г. Ягода и Н. И. Ежов.

В первую очередь он умело воспользовался некоторым отрезвлением Сталина и его ближайших сподвижников, понявших, в какую пропасть может затянуть (и их самих в том числе) волна репрессий. Наверху было сочтено необходимым притормозить маховик бессудных расправ. А чтобы отвести всякую ответственность от вождя и его клеветов, прибегли к привычной мере: жертвы списали на врагов народа, якобы пробравшихся в органы НКВД. Берии выпала редкая удача предстать перед общественным мнением эдаким орудием справедливости, и он этот шанс не упустил. Цинизм редкий, будто не он до этого сеял смерть в Закавказье, будто не под его непосредственным руководством палачи расправились с Маршалом Советского Союза Блюхером.

Но на время притормозив репрессии, режим потом с лихвой наверстал упущенное, а во-вторых, истинный замысел кампании по «восстановлению» социалистической законности выдает личность человека, который ее организовывал. Вчера – палач, а сегодня – поборник закона, не издевательство ли это над здравым смыслом?

Берия гораздо более чутко, чем его предшественники, улавливал различные настроения в верхах. Так, Сталин не желал сокращения того потенциала дешевого труда, без которого не могла существовать советская экономика и который предоставлялся ГУЛАГом. Зная об этом, наркомвнудел превратил вверенное ему ведомство в крупнейший производственный наркомат. Силами заключенных, а их к началу Великой Отечественной войны в лагерях и колониях было более 2,3 млн человек, прокладывались судоходные каналы, строились аэродромы, железные и шоссейные дороги, возводились крупнейшие производственные комбинаты, добывались золото, нефть, уголь, заготавливался лес, производились снаряды и обмундирование для армии²⁰.

При Берии была введена и новая форма «организации труда» ученых и инженеров. НКВД сосредоточил в своих руках работы по созданию образцов новой военной техники. Еще в феврале 1939 г. в Болшево появилась первая шарашка – Особое техническое бюро, преобразованное позднее в СКБ-29. Заключенные – а это были крупнейшие отечественные конструкторы авиационной и ракетной техники А. Н. Туполев, В. М. Петляков, В. М. Мясищев, С. П. Королев, В. П. Глушко и многие другие – работали там над новейшими образцами техники.

Утро 22 июня 1941 г. Берия встретил в сталинском кабинете, куда был вызван наряду с другими высшими руководителями. Советский лидер долго не мог поверить, что Гитлер все-таки перехитрил его. А ведь до самого последнего момента все казалось наоборот. Веру вождя в собственную проницательность активно питали многие его приближенные, в том числе Берия. Чего стоил хотя бы доклад наркома, датированный 21 июня 1941 г.: «Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня “дезой” о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что это “нападение” начнется завтра... Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 г. Гитлер на нас не нападет!...»²¹

Об этом ни незадачливый прогнозист, ни его адресат старались потом никогда не вспоминать. С образованием Государственного Комитета Обороны Берия стал заместителем председателя, то есть И. В. Сталина. В годы войны эти два человека сблизились необычайно. Лаврентию Павловичу поручались самые секретные и деликатные миссии.

Война войной, но борьба с врагами народа продолжала оставаться «святым» делом для наркома внутренних дел. В октябре 1941 г. он отдал письменное распоряжение о расстреле без суда 25 высокопоставленных военных деятелей, арестованных по списку, который составили В. Н. Меркулов, первый заместитель наркома, и Б. З. Кобулов, начальник следственной части наркомата. В этот список попали начальник Управления противовоздушной обороны Наркомата обороны СССР, Герой Советского Союза генерал-полковник Г. М. Штерн, командующий войсками Прибалтийского военного округа генерал-полковник А. Д. Локтионов, заместитель наркома обороны и начальник Разведывательного управления Герой Советского Союза генерал-лейтенант И. И. Проскуров, начальник Военно-воздушных сил Красной армии дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Я. В. Смушкевич, начальник Главного управления ВВС РККА Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов и другие.

Все они по сфабрикованным материалам были обвинены в принадлежности к военному заговору и проведении антисоветской террористической деятельности. Во время нахождения под стражей арестованные подвергались нечеловеческим пыткам и истязаниям. Вывезенные

²⁰ ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 21–22.

²¹ Цит. по: Некрасов В. Ф. Тринадцать «железных» наркомов. М., 1995. С. 236–237.

в Куйбышев, 28 октября 1941 г. они по преступному предписанию Берии были без суда расстреляны.

В особо острые моменты войны Сталин поручал наркому задания, связанные непосредственно с фронтовыми делами. В 1942–1943 гг. Берия несколько раз выезжал на Северный Кавказ. Задачи ему ставились разные: от организации обороны кавказских перевалов до выселения проживавших на Кавказе народов. «За образцовое выполнение специального задания правительства» (читай: выселение в восточные районы СССР 650 тысяч чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков и карачаевцев) Берия был удостоен полководческого (!) ордена Суворова I степени. В том же 1943 г. он стал Героем Социалистического Труда. А в июле 1945 г. этот «полководец» украсил свои тучные плечи погонами Маршала Советского Союза.

Наряду с полицейскими, а то и палаческими функциями Берии поручались и дела, которые сыграли важнейшую роль в обеспечении победы Советского Союза в войне с фашистской Германией и в более позднем противостоянии с блоком западных стран. В первую очередь это относится к организации работ по созданию ядерного оружия.

Начальное звено такой работы – добывание соответствующей разведывательной информации. Во время Второй мировой войны советская разведка, в основном сосредоточенная в руководимом Берией ведомстве, располагала за рубежом огромной сетью и действовала весьма эффективно. Только в Вашингтоне и Нью-Йорке сбором различной информации научно-технического характера занимались не менее 5 тысяч человек.

Первые сведения о работах в ядерной области советская разведка добыла еще в начале 1942 г. Берия неоднократно докладывал Сталину о ходе осуществления проекта «Манхэттен» (по созданию американской ядерной бомбы), об осуществлении Э. Ферми управляемой ядерной реакции, других работах американских ядерщиков. Резидентуры НКГБ и ГРУ Генерального штаба Красной армии в США, Канаде, Мексике направляли в Москву огромный объем информации.

«Работники 1-го (Разведывательного) управления НКВД – НКГБ проделали значительную работу по организации разведывательной сети за границей, – обзорева период с июня 1941 г. по ноябрь 1944 г., докладывал Берия Сталину. – За это время выведено за кордон на нелегальную работу 566 человек, завербовано 1240 агентов-осведомителей, добыто агентурным путем 41 718 различных разведывательных материалов, в том числе большое количество документальных. Из полученных по линии технической разведки 1167 документов реализовано отечественной промышленностью 616»²².

Для координации усилий различных ведомств по добыче ядерных секретов союзников в НКГБ по инициативе Лаврентия Павловича в феврале 1944 г. была создана так называемая группа «С» (позднее – отдел) во главе с генерал-майором П. А. Судоплатовым. Уже к концу 1946 г. для советских разведорганов перестали быть секретом важнейшие конструктивные особенности американского ядерного устройства, детали первого взрыва на полигоне в Аламогордо, система охраны, биографические данные многих ученых, занятых в проекте. Схема и описание устройства первой американской ядерной бомбы оказались в Москве всего через 12 дней после завершения ее сборки.

При этом источниками информации выступали не только члены советских резидентур, но и непосредственные участники работ по проекту «Манхэттен» Клаус Фукс и Бруно Понтекорво, Сэвилл Сакс и Теодор Холл. Не исключено, что ряд ценнейших сведений был получен непосредственно от руководителей американской ядерной программы Роберта Оппенгеймера и Энрико Ферми. А ведь информация широким потоком шла и из Великобритании, где на советскую разведку работала знаменитая «кембриджская пятерка» – Дональд Маклейн, Гай Берджесс, Ким Филби, Энтони Блант и Джон Кэрнкросс.

²² См.: Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М., 1999. С. 190.

Разведывательная информация, добытая в западных странах, использовалась в интересах развития советской ядерной программы. Надо сказать, что Берия при всех его преступных наклонностях на практике проявил себя крупным организатором и довольно эффективно действующим руководителем разведорганов, человеком динамичным, интересовавшимся содержанием дела, а не формальным соблюдением бюрократических процедур. Это Сталин знал, и поэтому в августе 1945 г. Лаврентий Павлович был назначен руководителем ядерной программы. Фактически же он стал во главе работ по созданию в СССР атомного оружия еще в годы войны. Государственный Комитет Обороны поручил ему, заместителю председателя Совета Народных Комиссаров СССР с 1944 г., «наблюдение за развитием работ по урану» в соответствии с принятым 3 декабря 1944 г. постановлением ГКО о лаборатории И. В. Курчатова.

С 20 августа 1945 г. при Государственном Комитете Обороны, а с его упразднением – при Совете Министров СССР действовал Специальный комитет под председательством Берии. Чтобы последний мог полностью сосредоточиться на этой работе, его в декабре 1945 г. освободили от обязанностей наркома внутренних дел. На комитет возлагалось «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана». Кроме того, с марта 1953 г. Берии было поручено руководство всеми специальными работами в сфере атомной промышленности, созданием реактивных управляемых комплексов – первого в СССР морского (класса «воздух – море») зенитно-ракетного комплекса «Комета» (в его создании в качестве главного конструктора участвовал сын Берии – Сергей) и «Беркут» (доработанный наземный вариант «Кометы», позднее известный как зенитно-ракетная система ПВО С-25), а также ракет дальнего действия.

В октябре 1949 г. «за организацию дела производства атомной энергии и успешное завершение испытаний атомного оружия» Лаврентий Павлович получил благодарность ЦК и Совета министров СССР. Его наградили орденом Ленина и присвоили звание лауреата Сталинской премии первой степени.

Правда, после ареста Берии в июне 1953 г. эту сторону его деятельности бывшие коллеги по высшему руководству пытались дискредитировать. «Известно, что Берия ведал специальным комитетом, занятым атомными делами, – говорил глава правительства Г. М. Маленков на июльском 1953 г. пленуме ЦК, который рассматривал политическое дело Берии. – Мы обязаны доложить пленуму, что и здесь он обособился и стал действовать, игнорируя ЦК и правительство в важнейших вопросах работы специального комитета. Так, он без ведома ЦК и правительства принял решение организовать взрыв водородной бомбы. Надо ли говорить о значении этого факта»²³.

Что ж, возможно, Берия и в самом деле пытался стать монополистом в атомной проблеме. Но совсем не исключено, что он стремился уберечь столь тонкую сферу, связанную с научным прорывом в неизвестное, от некомпетентного вмешательства партийных чиновников, умевших только «руководить».

Уйдя с поста наркома внутренних дел (его сменил С. Н. Круглов), «лубянский маршал» сохранил и даже упрочил свое влияние на спецслужбы. Став заместителем председателя Совета министров СССР, он курировал МГБ и МВД. Тогда же, в 1946 г., он стал членом Политбюро (Президиума) ЦК, теперь уже не только фактически, но и формально войдя в самое ближайшее окружение вождя.

Точкой отсчета последнего возвышения Берии и одновременно финиша его жизненного пути стала кончина Сталина в марте 1953 г. Когда политические наследники вождя поделили власть, Лаврентий Павлович стал первым заместителем главы советского правительства и одновременно возглавил Министерство внутренних дел СССР, которое объединило два прежних министерства – МГБ и МВД. Между ним и двумя другими лидерами – председателем

²³ Лаврентий Берия. 1953. С. 224.

Совета министров Г. М. Маленковым и первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым – развернулась яростная, хотя и незримая борьба за право стать главным преемником вождя.

Лаврентий Павлович вступил в схватку с хорошо подготовленного плацдарма. Как первый заместитель главы правительства и министр объединенного Министерства внутренних дел он сосредоточил в своих руках огромную власть, непосредственно курируя работу управлений, занимавшихся охраной членов высшего руководства, кадрами, разведкой и контрразведкой в армии, а также следственной части, контрольной инспекции, секретариатов МВД и Особого совещания. Ему подчинялась комендатура Московского Кремля. Благодаря широкой сети органов внутренних дел он был хорошо информирован о положении дел на местах, через них он контролировал и обстановку. Под своим началом он сосредоточил огромную массу людей с оружием: даже до объединения с МГБ один лишь аппарат Министерства внутренних дел составлял почти 375 тыс. человек.

Неужели Лаврентий Павлович надеялся стать лидером страны? Каким образом? Опубликованные в последние годы документы, увидевшие свет от его имени или благодаря его инициативе, заставляют думать о нем как о несостоявшемся... реформаторе. Берия сразу же перехватил политическую инициативу у своих коллег по Президиуму ЦК КПСС, выдвинул по существу целую программу преобразований в области прав человека, экономики, социальной жизни, международной политики. Своей наступательностью и энергией он сильно испугал Маленкова, Хрущева и иже с ними.

С другой стороны, до чего же была доведена страна, если реформатором и правозащитником выступал палач?

Как бы то ни было, Берия проявил недюжинную энергию, настойчивость и последовательность, реализуя одному ему ведомую программу перемен. По его инициативе был пересмотрен ряд судебных дел. Так, Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор по так называемому «авиационному делу», в соответствии с которым в 1946 г. были осуждены нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин, командующий ВВС Советской армии А. А. Новиков и ряд других лиц²⁴. По ходатайству министра внутренних дел все незаконно осужденные были восстановлены в партии, им вернули воинские звания, государственные награды, в том числе Главному маршалу авиации Новикову две звезды Героя Советского Союза, генерал-полковнику авиации Шахурину – звезду Героя Социалистического Труда.

4 апреля 1953 г. Берия, что называется, превзошел самого себя, поставив подпись под приказом, отменявшем людоедские решения ЦК ВКП(б) 1937 г. и 1939 г., которыми органам НКВД разрешалось применение физического воздействия на подсудимых. «Такие изуверские “методы допроса” приводили к тому, – справедливо писал Берия, – что многие из невинно арестованных доводились следователями до состояния упадка физических сил, моральной депрессии, а отдельные из них до потери человеческого облика».

Министр впредь категорически запретил применение к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия и потребовал при производстве следствия строго соблюдать нормы уголовно-процессуального кодекса. В тюрьмах – Лефортовской и внутренней МВД – ликвидировались организованные руководством бывшего МГБ СССР помещения для применения к арестованным физических мер воздействия, а все орудия пыток были уничтожены.

Привыкшие за долгие годы лишь слепо исполнять приказы вождя сталинские сподвижники боялись смелых, неординарных шагов в политике. Некоторые предложения Берии вообще были реализованы намного позже, конечно, без указания имени их автора. Например, к коренному пересмотру всех дел, связанных с так называемыми контрреволюционными пре-

²⁴ Лаврентий Берия. 1953. С. 52–55.

ступлениями, и реабилитации осужденных по этим делам в нашей стране приступили лишь с 1991 г.

Документы свидетельствуют о грандиозных планах Лаврентия Павловича также по реформированию экономики, в частности, путем реорганизации системы ГУЛАГа и прекращения строительства многих объектов, где использовался труд заключенных. По инициативе министра внутренних дел было осуществлено мероприятие, необходимость которого в современной России осознали лишь в 1998 г.: постановлением Совета министров СССР от 18 марта 1953 г. в Министерство юстиции был передан ГУЛАГ – исправительно-трудовые лагеря и колонии.

...Неполные четыре месяца, отведенные судьбой лубянскому реформатору, заканчивались. Он энергично пробивал через неповоротливую, сконструированную под единоличную волю Сталина партийно-государственную машину свои многочисленные предложения, а в это время за его спиной сговаривались «товарищи» из Президиума ЦК. Боязнь каких-либо силовых акций со стороны Берии заставила его конкурентов временно объединиться.

Инициаторами сговора выступали Г. М. Маленков и Н. С. Хрущев. Они индивидуально провели беседы со всеми членами Президиума. В поддержку устранения «лубянского маршала» сразу выступили В. М. Молотов, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, С. К. Е. Ворошиловым и А. И. Микояном пришлось проводить разъяснительную работу. В конце концов, удалось уломать всех членов Президиума ЦК.

26 июня 1953 г. во время заседания Президиума ЦК КПСС, созванного в целях маскировки как заседание Президиума Совета министров СССР, Берия был арестован. Арест произвела группа военных во главе с заместителем министра обороны маршалом Г. К. Жуковым²⁵. До наступления темноты теперь уже бывшего члена высшего партийного руководства продержали в Кремле, пока не сменили охрану, а затем перевезли на гауптвахту столичного гарнизона. На следующий день из опасения, что люди, верные Берии, попытаются освободить его, было выбрано новое место содержания – бункер на территории штаба Московского округа ПВО.

Прошедший 2–7 июля 1953 г. пленум ЦК КПСС вывел Берия из состава Президиума ЦК КПСС, исключил из партии и передал дело для проведения расследования в Верховный суд СССР²⁶.

Расследование совершенных им преступлений продолжалось полгода, этой работой руководил Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко. Вместе с Берией судили его давних выдвиженцев: генерала армии В. Н. Меркулова, генерал-полковника Б. З. Кобулова, генерал-полковника С. А. Гоглидзе, генерал-лейтенанта Л. Е. Влодзимирского, генерал-лейтенанта П. Я. Мешика, генерал-лейтенанта В. Г. Деканозова. С 18 по 23 декабря 1953 г. дело рассматривал чрезвычайный орган, не предусмотренный Конституцией, – Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР во главе с Маршалом Советского Союза И. С. Коневым.

Берия был обвинен в связях с английской разведкой и в стремлении к «ликвидации советского рабоче-крестьянского строя, реставрации капитализма и восстановлению господства буржуазии». Он категорически отменил предъявленные ему обвинения в связях с иностранными разведками. Отрицал он и то, что его действия после смерти Сталина были направлены на захват власти. Признал, что несет ответственность за «перегибы и извращения социалистической законности» в 30-е годы, но просил суд учесть, что контрреволюционных антисоветских целей он при этом не вынашивал – такая уж, мол, была обстановка. Полностью признал лишь одно – «морально-бытовое разложение».

²⁵ Берия: конец карьеры. С. 281–283.

²⁶ Лаврентий Берия. 1953. С. 368–370.

23 декабря 1953 г. Специальное судебное присутствие приговорило Берия и других подсудимых к расстрелу. Немедленно по вынесению приговор был приведен в исполнение. Зловещий Лаврентий был лишен всех многочисленных наград и званий, в том числе высшего воинского звания «Маршал Советского Союза».

Сегодня с высоты прожитых страной после 1953 г. лет большинство обвинений – связь с иностранными спецслужбами, грезы о восстановлении в СССР капитализма и т. п. представляются абсолютной чепухой, не нашедшей ни малейшего документального подтверждения. А вот о том, к чему Берия действительно имел прямое отношение – сталинским репрессиям, по сути ничего сказано не было: поставить под сомнение святость образа вождя тогда никто еще не решился. Разговор свели к личным уголовным наклонностям бывшего министра внутренних дел и его соучастников. Это было правдой, но далеко не полной. Обвинения, выдвинутые против «лубянского маршала», оказались во многом надуманными и имели цель во что бы то ни стало скрыть ту острейшую борьбу, которая развернулась в верхах за освободившийся после Сталина трон.

Сергей Семенович Бирюзов (1905–1964)

Сергей Семенович принадлежал, если так можно сказать, к третьей волне советских маршалов. Для ее представителей в силу возраста Великая Отечественная война не была ни завершением карьеры, как для поколения С. М. Буденного, ни вершиной полководческой славы, в отличие от Г. К. Жукова и его ровесников. Война стала временем, когда вызревал талант сверстников Бирюзова на должностях комдивов, комкоров, командармов, и – трамплином после 1945 г. к ключевым постам в военной иерархии Советского Союза.

Будущий маршал родился в городе Скопине на Рязанщине. Еще ребенком потерял родителей и поэтому по окончании церковно-приходской школы был вынужден с 14 лет трудиться. В 1922 г. в 18-летнем возрасте он добровольно вступил в Красную армию. Окончив Объединенную школу им. ВЦИК, Бирюзов пошел по командирской линии: на протяжении десяти лет возглавлял взвод, роту, батальон.

Заметно продвинуться по службе стало возможным после успешного завершения учебы в Военной академии им. М. В. Фрунзе. В августе 1939 г. Сергей Семенович стал командиром дивизии. В его аттестации за 1940 г. говорилось: «Командир растущий, хорошо подготовленный в военном отношении и знающий штабную работу. Работает не считаясь со временем. Тов. Бирюзов в штабе не засиживается, больше бывает в частях, на стрельбище и в поле... Благодаря умелому руководству со стороны командира дивизия в округе является ведущей»²⁷.

²⁷ Цит. по: Орлов А., Лебедев В. Маршал Советского Союза Сергей Бирюзов // Полководцы и военачальники Великой Отечественной войны. Вып. 3. М., 1985. С. 256.

Во главе 132-й стрелковой дивизии генерал встретил начало Великой Отечественной войны. Воевал под Гомелем, затем в районе Новгород-Северского. В течение первого военного года он был ранен пять раз, поскольку почти непрерывно находился в боях.

В октябре 1941 г. в брянских лесах, на дальних подступах к Москве дивизия оказалась во вражеском окружении. С боями выводя подчиненных к своим, Бирюзов был тяжело ранен в ноги. Лишенный возможности передвигаться самостоятельно, он тем не менее не выпустил из рук нити управления и сумел обеспечить успешный прорыв из окружения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.